

АЛЕКСАНДР РОМАНОВ

**ШАГАВШИЙ ПО ЛЕЗВИЮ
МИХАИЛ БУЛГАКОВ**

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА

Александр Романов
Шагавший по лезвию.
Михаил Булгаков
Серия «Литературное
наследие писателей XX века»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36360510

Шагавший по лезвию. Михаил Булгаков: Aegitas; Москва; 2016

ISBN 978-1-77313-891-6

Аннотация

Александр Романов о творчестве Михаила Булгакова. Новая книга из серии «Литературное наследие писателей двадцатого века». Увлекательнейший взгляд создателя миров из двадцать первого века на своего предшественника из века двадцатого, включает в себя большое обзорное эссе о творчестве великого мастера, а также литературный анализ каждого крупного произведения, включая «Белую Гвардию» и «Мастер и Маргарита». Результат этого глубокого анализа окажется интересным как широкой аудитории читателей, так и молодым писателям, делающим свои первые шаги в области создания фантастической, мистической и исторической художественной прозы.

Содержание

Необходимое предисловие	5
Шагавший по лезвию	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александр Романов
Шагавший по лезвию.
Михаил Булгаков

© Романов Александр, 2017

© Электронная версия – Издательство «Aegitas», 2017

Необходимое предисловие

Как справедливо заметил Антон Павлович Чехов, в человеке должно быть прекрасно абсолютно все: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. Подобным образом, я осмеливаюсь уже многие годы оценивать и художественные литературные произведения.

На первом месте для меня были и всегда останутся **идея и замысел (их я объединяю общим понятием «содержание»)**. Ведь разве не ради этого все мы читаем книги? Потратив часть своей жизни на столь непростой интеллектуальный труд как осмысленное, вдумчивое чтение, мы, конечно же, хотим понять, что именно намеревался высказать автор, почему он решил написать книгу. Квинтэссенция идеи и замысла, как известно, выражается в сюжете. Он должен идти пусть даже не обязательно (хотя и очень желательно) остро, но неизбежно поступательно, стройно и гармонично. Сюжет должен быть цельным и законченным, нельзя оставить идею недоработанной или незавершенной, точно также как нельзя женщине родить только половину или три четверти ребенка, а остальную часть предложить родить мужчине самому. Писатель не имеет права бросить сюжет на произвол судьбы, в противном случае, читатель будет обречен на чтение незаконченного труда, а некоего черновика, наброска чего-то более значительного, но ненаписанного. Единственной уважи-

тельной причиной подобных действий может быть лишь скоростная смерть писателя.

Читая это, вы, наверное, можете подумать, что я пишу об и так очевидном и понятном, но, увы, моя практика временного превращения из писателя в читателя весьма часто доказывает мою правоту и необходимость еще раз заострить на этом внимание. Многие, даже считающиеся значительными авторы, увы, идут на подобное неуважение к читающему книгу человеку. Мне это не нравится, и я не стесняюсь писать об этом в своих эссе, критических заметках и статьях.

Что касается выбора сюжета в художественной литературе, то в целом моя симпатия принадлежит тем книгам, которые либо образуют читателя и таким образом дают ему возможность самому узнать о чем-то новом для себя, либо тем, которые увлекают читателя своим необычным, самобытным, ярко разукрашенным миром. Знаю, что многие писатели считают, что книга может и просто описывать жизнь таковой, какая она есть. Частично я могу согласиться и с этим, но только в таком случае книга обязана доставлять удовольствие от прочтения за счет красоты стиля ее изложения, таланта автора. В противном случае, получается, что книга не учит, не увлекает, а представляет собой всего лишь черно-белую копию нашего мира. Мира, который мы и так каждый день имеем возможность лицезреть выходя на улицу. Мира, который мы можем видеть и без помощи писателя.

Мне хотелось бы подчеркнуть, что моя оценка являет-

ся сугубо субъективной по определению. Ведь я оцениваю произведение моими рецепторами, читаю моими глазами, анализирую моим мозгом и душой. Мой субъективизм явно проявляется в нескольких направлениях. Я недолюбиваю книги, где главные герои являются ничтожествами, неспособными к активному движению сюжета. Я недолюбиваю книги, в которых повествование ведется от первого лица, ибо мне становится некомфортно, когда меня пытаются засунуть в душу другого человека, заставляют видеть мир произведения только его глазами (здесь есть исключения, но их очень мало). Куда приятнее читать большой роман с фокальной точкой всевидящего автора, где смотришь на сюжет и декорации сверху, объемно, панорамно. Я недолюбиваю книги, где сюжетная линия не подчинена законам логики и эстетической художественной цельности и красоты. Я недолюбиваю книги, в которых автор прибегает к нецензурной лексике, мату и грубостям, в которых герои постоянно пьют алкоголь и не выпускают из рук сигарет.

Далее я обращаю внимание на такой чрезвычайно важный компонент литературного произведения как форма, включающая в себя, как силу владения языком, так и красоту изображения художественной атмосферы, диалогов, характеров и мыслей героев. Сюда же входит еще одна подкомпонента – красочность передачи эмоций и чувств. Ведь, если нет интереса к облику, восприятию героем окружающего его мира, следовательно, не может быть и сопереживания, а значит и

погружения в текст.

Есть и другие общепринятые критерии, о которых, как мне кажется, не будет лишним напомнить еще раз:

– авторам следует избегать практики сокращать имена героев до инициалов (ни в имени, ни в фамилии);

– авторам крайне не рекомендуется обрывать повествование в начале и в конце главы на полуслове (тем более с утратой смысла предложения, будто случайное или намеренное), тем более делать это несколько раз в ходе книги;

– авторам крайне не рекомендуется менять фокальную точку повествования в ходе одного цельного произведения (например, переходить от повествования от лица всевидящего автора к повествованию от первого лица);

– авторам крайне не рекомендуется выбирать сложно произносимые имена ни для второстепенных, ни тем более для главных героев произведения.

Есть и еще один подкритерий, который, должен признать, имеет не прямое отношение к моей оценке литературных произведений и это объем. Да, я согласен, что даже небольшое по размеру произведение (рассказ) может быть художественно прекрасным и безупречно исполненным. Такие примеры нам в избытке предоставил, скажем, Антон Павлович Чехов. Но все же, я настаивал, и всегда буду настаивать на том, что по-настоящему сильное эмоциональное влияние может оказать на читателя лишь объемное произведение,

особенно если мы говорим о серьезном философском, а не юмористическом труде. Говорят, что «все гениальное просто», но можем ли мы применять подобную народную мудрость, когда анализируем литературные произведения, претендующие на высокое эмоциональное воздействие на человека? Можно ли адекватно сравнивать гармонические ряды и глубину влияния на слушателя «Калинки-малинки» и «Первого концерта» Чайковского? Даже если склеить тысячу рисунков, выполненных детскими фломастерами, может ли получиться в результате «Торжественное заседание Государственного совета» Репина? Для меня ответ на этот вопрос очевиден.

Из результатов этих размышлений выводится моя нелюбовь и к «склеенным» романам и повестям. Я откровенно недолюбливаю их и не скрываю этого в моих эссе. Мне не нравится череда несвязанных друг с другом героев, которые меняются от рассказа к рассказу, мне не нравится «передергивание» повествования, мне не нравится, когда меня заставляют принимать пищу из разбитой, фарфоровой тарелки, наспех склеенной прозрачной клейкой лентой. Пусть рассказ остается рассказом и выходит именно в сборниках, а не как цельная книга, претендующая на законченную художественно-литературную ценность лишь потому, что рассказы пристыковали друг к другу и сделали их главами якобы цельного большого произведения.

Русский язык – богатейший дар культуры наших пред-

ков. Однако, как и способности мозга, которые подавляющее большинство людей задействуют лишь на несколько десятков процентов, сила русского языка многими из авторов также используется лишь на малую часть своего гигантского потенциала. Люди все чаще стремятся сокращать слова, заменять их жаргоном, а то и вовсе экспрессивными непристойностями, в попытках сделать прозу реалистичнее, усилить эмоциональную составляющую мысли. При этом, к сожалению, очень часто страдает художественная, лексическая и смысловая составляющая. Экспрессия у некоторых авторов часто переходит все мыслимые и немыслимые границы. Крайней точкой подобной «грязной окраски» конечно же, являются выражения нецензурные и непристойные. А тем временем русский язык предоставляет столь богатую палитру возможностей для того, чтобы сделать нашу речь и письмо красивее, образней, возвышеннее. В ситуациях, когда нам необходимо быть вежливее и тактичнее (а это должно происходить всегда, когда мы адресуем нашу мысль широкому кругу лиц), писателю рекомендуется прибегать к применению эвфемизмов, стилистически нейтральных слов или выражений, употребляемых вместо синонимичной языковой единицы, которая может представляться слушающему (читающему) неприличной, грубой, резкой или нетактичной. Термин «эвфемизм» применялся еще античными авторами, он происходит от греческих слов «хорошо», «молва», «речь». Первоначально он толковался как произнесение

«слов, имеющих хорошее предзнаменование, воздержание от слов, имеющих дурное, благоговейное молчание». В современной лингвистической литературе присутствуют различные толкования понятия «эвфемизм», но в большинстве из них в качестве основного признака эвфемизма рассматривается его способность заменить, «завуалировать» неприятные, либо нежелательные слова или выражения. В конечном итоге главная цель эвфемизации художественного произведения является стремление избегать конфликтности при осуществлении любых форм общения людей и это, конечно же, в полной мере относится к ситуации писатель-читатель. Мало кому из нас нравится, когда с ним общаются бестактно, невежливо и бескультурно. Иными словами, мне нравится, когда автор старается избегать резких, грубых слов, которые могут быть неприятны читателю. Какими бы значимыми не были другие параметры прозы, я никогда не смогу оценить ее достаточно высоко, если в тексте будут применяться грубые, нецензурные и матерные выражения. Ведь, кто если не писатели, обязаны воспитывать хороший литературный вкус и умение владеть красотой речи?

Мои жесткие комментарии к книгам не придирки, а скорее откровенные результаты дегустации шеф-поваром лакомств, приготовленных в соседнем ресторане. Открыв перед собой очередное блюдо и учуяв приятный аромат его названия, я почти как мальчишка истинно надеюсь на лучшее, на то, что мои вкусовые рецепторы будут польщены взры-

вом наслаждения от его вкушения и ровно так же, как мальчишка, я безмерно расстраиваюсь, если красиво названное блюдо от якобы именитого и признанного шеф-повара на проверку оказывается лишь жареной картошкой или, что даже еще хуже, штампованным гамбургером. Приходя в ресторан к другому шеф-повару, полагаю, я вправе ожидать чего-то особенного, в праве ожидать, чтобы меня удивили.

Я совсем не боюсь почувствовать зависть к литературному таланту и высоте полета мысли другого автора, напротив, ощутить разочарование от прочитанного – вот что есть для меня самая большая трагедия.

Кроме моей общей оценки творчества писателя, я обычно дополняю свои эссе «Заметками на полях», где я подробно разбираю каждое, считающееся значительным, произведение автора в отдельности.

Шагавший по лезвию

Михаил Булгаков родился в Киеве на рубеже веков и эпох, 15 мая 1891 года. Окончив гимназию в шестнадцатилетнем возрасте, он поступает в университет и проходит обучение на медицинском факультете. В эти годы он еще даже и не помышляет о литературе и не имеет ни малейшего понятия о том, какой необычный разворот в его жизни готовит ему судьба. В 1916 году он заканчивает обучение в университете, после чего переходит работать в госпиталь. Летом этого же года, он получает свое первое назначение и отправляется в село Никольское, в небольшую земскую больницу, расположенную в Смоленской губернии. Именно здесь к нему неожиданно приходит мысль написать первые рассказы и из небольших отрывков он создает «Записки юного врача», в которых рассказывает о жизни в небольшом провинциальном городке.

Спустя два года он решает вернуться в родные края, однако там его поджидает черная полоса. В феврале 1920 года Булгакова настигает тиф. С трудом вылечившись, писатель путешествует во Владикавказ, а затем переезжает в Москву, которая сразу покоряет его сердце. Он находит себе работу в качестве секретаря в Главполитпросвете при Наркомпросе под руководством супруги Владимира Ильича Ленина. Однако уже в 1921 году Главполитпросвет расформи-

ровывается и писатель начинает работать с издательствами «Гудок», «Россия» и «Рабочий». В 1923 году ему удается выпустить свое произведение «Записки на манжетах». Он постепенно становится участником нескольких пользовавшихся популярностью литературных кружков. В Москве рождаются три первые сравнительно небольшие по размеру, повести фантастического содержания («Дьяволиада», «Роковые яйца», а позже в 1925 году и острая, политическо-сатирическая – «Собачье сердце»).

Однако здесь же, в столице, Булгакова начинает наступать чувство отстраненности от устоявшейся к тому времени пролетарской политической системы. Чем больше он развивается душевно и профессионально, тем больше начинает чувствовать себя чужим и по причине того, что не родился в Москве и что самое главное, потому что психологически и культурно не вписывается в царящие в литературной (и не только) Москве «твердолобые» порядки. В его записках и репликах все чаще проскальзывает сожаление о том, что подавляющая часть прослойки интеллигенции была беспощадно вырезана (в том числе буквально) взявшим власть коммунистическим режимом. И чем дальше, тем все более явно становятся заметны эти нотки и в его полноформатных произведениях. В «Дьяволаиде» герой противопоставлен бюрократической системе, в «Роковых яйцах» показана нерасторопность и косность мышления новых большевистских чиновников, а запрещенная в последствии на многие

годы, повесть «Собачье сердце» и вовсе бьет крупнокалиберными орудиями (устаами Профессора Преображенского) по самым больным местам установившегося режима, идеалы и главное методы которого становятся Булгакову все более и более чужды.

Ответ оскалившейся системы, почувствовавшей, что Булгаков «не наш» не заставил себя ждать. Пролетарские драматурги и несметное число критиков начинают ревностно относиться к успехам молодого писателя и решают предпринять все меры, чтобы его первые пьесы сняли с проката, а вновь написанные вовсе никогда не увидели свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.